

УДК 81-114.2

ЛИНГВИСТИКА И ИДЕОЛОГИЯ В КУРСЕ «ИСТОРИЯ ЯЗЫКОЗНАНИЯ»

© 2010 г.

Н.Е. Петрова

Нижегородский государственный педагогический университет

petrova_ngpu@mail.ru

Поступила в редакцию 29.03.2010

На примере феноменов «марризма» и «антимарризма» анализируется преобразование лингвистической теории в политическую идеологию. Обосновывается актуальность данного вопроса для вузовской подготовки специалистов высшей квалификации.

Ключевые слова: идеологизация, «новое учение о языке», марризм.

Связь науки и идеологии является сейчас одной из наиболее обсуждаемых проблем. Требование толерантного отношения к иным научным взглядам не отменяет того факта, что научные исследования в любой отрасли знания оказываются так или иначе связанными с политико-экономическими интересами государства, отдельных политических партий или социальных групп. Согласно словарному определению, *идеология* – это «система идей, представлений, понятий, выраженная в разных формах общественного сознания: философии, политике, праве, морали, искусстве, религии – и отражающая коренные интересы классов, социальных групп» [6: 630]. Как видно, в списке репрезентантов *идеологии* отсутствует наука как форма общественного сознания. Вероятно, это объясняется тем, что наука, исследуя законы природы, бытия и истории человека, стремится к объективной истине и, следовательно, должна быть свободна от оценок и предпочтений. Однако история давно показала, что ученый, так же как философ, политик, правовед, богослов, писатель, не может уйти от решения вопросов, связанных с нравственностью, общественной целесообразностью, патриотизмом, наконец. Поэтому вопрос об идеологическом компоненте в той или иной системе научных знаний может и должен рассматриваться в вузовских учебных курсах, посвященных истории науки. Курс «История языкознания» предоставляет особенно богатый в этом отношении материал, к тому же обладающий большим воспитательным потенциалом. Согласимся с тем, что «на мировоззренческие ценности студента педагогического вуза следует обращать особое внимание, потому что они будут тиражироваться в учениках» [5: 18].

Естественный человеческий язык издревле находился в зоне внимания философов, свя-

щеннослужителей, богословов, писателей и поэтов, пытающихся через это средство общения осмыслить такие краеугольные понятия, как Бог, разум, познание, сознание, самосознание, красота и др. Однако лингвистика как наука сформировалась лишь к началу XIX века, и вопросы, которыми она занималась, кажутся весьма далекими от реальной жизни. Это изучение закономерностей исторического изменения структуры языков, их фонетического строя; реконструкция «прародителя» существующих языков; установление «родства» языков, т.е. факта их происхождения от одного источника; поиски общего и объяснение различий между родственными языками. Вместе с тем вопросы языка оказались настолько тесно связанными с человеком, его ценностными установками, идентификацией его как личности и как представителя этноса, что лингвистика изначально не могла не коснуться некоторых болезненных для общества точек, напрямую связанных с идеологией и политикой.

В качестве примера можно привести некоторые высказывания великого филолога-философа В. фон Гумбольдта о языкотворческом духе народа, синтезирующем язык, и о совершенстве языка как средства формирования и выражения мысли: «Подлинный синтез возникает из **одухотворенности, свойственной лишь высшей и энергичной силе**. Ослабленность синтеза говорит об отсутствии этой одухотворенности, и возникающий таким путем язык тоже оказывает менее одушевляющее воздействие на тех, кто им пользуется. Это отражается и на его литературе, менее склонной к тем жанрам, которые нуждаются в подобной одухотворенности. **Ослабленность духовной силы нации, виновной в этом недостатке**, передается через такой **несовершенный язык** следую-

щим поколениям, или же эта слабость проявляется на протяжении всей жизни той или иной нации, пока благодаря какому-нибудь стимулу не начнется ее новое духовное преображение» [2: 108]; «Если все действительно так, то спрашивается, следует ли искать причину **преимущества народов санскритской** [индоевропейской. – авт.] **семьи** в их интеллектуальном укладе, в их языке или в большей благоприятности их исторических судеб? Бросается в глаза, что ни одну из этих причин нельзя назвать единственной» [2: 196]; «У всех **наций с несовершенными языками** этот синтез [языка. – авт.] от природы **неполноценен или скован и подорван** теми или иными привходящими обстоятельствами» [2: 197]. Мы специально выделили оценочные фрагменты в высказываниях В. Гумбольдта, которые обращены не только к языку, но и к интеллектуальным и – шире – духовным потенциям этноса, говорящего на этом языке. Независимо от убеждений ученого и даже вопреки им, подобные оценки могут быть спекулятивно использованы как обоснование и оправдание националистических и фашистских идеологий различного толка.

Открытая идеологизация была характерной чертой советской лингвистики первой половины XX в. Прежде всего это связано с феноменом Н.Я. Марра и его лингвистической концепции, «марризма» и «антимарризма». Эти темы служат благодатным материалом для размышлений и дискуссий в рамках студенческой аудитории на занятиях по «Истории языкознания». Известно, что Н.Я. Марр предложил «новое учение о языке» в противовес западному языкознанию. Основу этой оппозиции составляют не только собственно научные, но и мировоззренческие, идеологические установки автора. Не без основания (о чем свидетельствуют приведенные выше положения В. Гумбольдта) Н.Я. Марр критикует сравнительно-историческое и сосюррианское языкознание, с одной стороны, за формализм в подходе к языку, а, с другой стороны, за идеи о якобы природном, «генетическом» преимуществе языков и народов индоевропейской семьи. Как справедливо отмечает Б. Гаспаров, «Марр доказывал, что идеи структурной «чистоты» языка и однородности его наследственной линии являются результатами идеологических манипуляций господствующей социальной силы. Такая сила – будь то привилегированная «высшая культура» или евроцентричное представление о сообществе «индоевропейских» наций – всегда стремилась сохранить свое господство, навязывая свои собственные ценности всему культурному миру

и подавляя множество голосов, в действительности сосуществующих и сливающихся в говорящее сообщество на любой стадии его развития» [1: 456].

Н.Я. Марр рассматривает язык как историческую, изменчивую категорию, складывающуюся на базе общественного производства и производственных отношений в человеческом коллективе и являющуюся продуктом последних. В качестве такой «надстройки» язык, подобно искусству, призван отражать все изменения базиса, так что революционные сдвиги в общественно-экономическом строе социума приводят к скачкообразным изменениям (мутациям) в языке. С точки зрения Н.Я. Марра, идея сравнительно-исторического языкознания об изначальном исхождении языков от одного источника по отдельным «генетическим» линиям и их структурной эволюции в рамках данного «генотипа» согласно точным структурным законам, является фикцией. По его мнению, первоначально, сразу, независимо друг от друга возникает множество языков, причем самый ранний язык человека был кинетическим, а не звуковым (первым скачкообразным изменением языка было появление звуковой речи). Глоттогонический процесс в концепции Н.Я. Марра является единым для всех языков мира и носит стадийный характер. Стадии развития звуковой речи заключаются в процессе фонетической и семантической дифференциации языковой материи. Так, постепенно выделяются значения слов, причем в основе названий разнообразных предметов лежит их функция в жизни и деятельности человека, а не форма или, например, цвет. В ходе стадийного развития постепенно формируются части речи и грамматические категории. Чем выше стадия, тем совершеннее язык, поскольку его продуцирует более развитый тип мышления человека.

Важным фактором развития языка, особенно его лексического строя, Марр считал процессы скрещивания разных языков. По его мнению, именно скрещивание, а не заимствование привело к появлению пластов общей лексики в разных языках. Таким образом, все языки мира в его теории вовлечены в постоянный процесс взаимодействия друг с другом и с внешней, экономической и идеологической, средой существования человека. Скрещивание и единство глоттогонического процесса обуславливают постепенное нивелирование языковых различий, так что логическим завершением стадийного развития должно стать формирование единого (общемирового) языка.

Главной стороной языка Н.Я. Марр видел не его внутреннее, структурное устройство, а воплощенную в его лексических и грамматических формах социальную (коллективную) идеологию и социальную (коллективную) историческую память. В этом плане Н.Я. Марр является очень современным лингвистом. Думается, его лингвистическая концепция может быть осмыслена сейчас, на фоне глобальных культурно-лингвистических процессов, по-иному и гораздо глубже, разностороннее, чем это представлено в существующих учебных пособиях по истории языкознания.

Имя Н.Я. Марра и его идеи фактически ушли в небытие после известной дискуссии по вопросам языкознания, которая состоялась в мае – июне 1950 г. на страницах «Правды». Статья И.В. Сталина «Относительно марксизма в языкознании» («Правда» от 20 июня 1950 г.) положила конец эпохе административного «марризма», когда учение Н.Я. Марра провозглашалось единственно верным, а все иные мнения, тем более критические, относились к проявлениям чуждой идеологии, так что тот, кто полемизировал с Марром, мог быть причислен (и причислялся) к врагам народа.

После дискуссии существенно возросла значимость лингвистики как науки в глазах представителей других областей научного знания и всего советского общества в целом, что привлекло внимание руководителей вузов к проблемам лингвистических и – шире – филологических кафедр и факультетов. Лингвисты-преподаватели освобождались от необходимости внедрять малопонятное «новое учение о языке», которое не укладывалось в традиционные разделы фонетики, грамматики, истории языка. Лингвистика в вузах получила возможность более естественного развития.

Наконец, в связи с дискуссией о языке советские философы стали обсуждать многие вопросы и темы, которые раньше не были в сфере их внимания: что такое язык как общественное явление, что такое базис и надстройка как социологические категории, что такое закон развития объекта, чем отличаются законы внешние и внутренние и т.д. Так что в определенном смысле дискуссия по вопросам языкознания способствовала движению философской мысли в стране.

Вместе с тем, дискуссия не решила ряда существенных проблем советского языкознания. Обсуждение итогов дискуссии и перестройка работы вузов проходили в условиях бесконечного комментирования и безудержного восхваления «гениальных трудов Сталина», без какой-

либо попытки их лингво-философского осмысления. Изучение языка оказалось зажатым в тесных рамках одной, официально навязываемой линии, которая на этот раз определялась сталинскими постулатами. Интеграции советской языковедческой науки в мировую лингвистику с отказом от теории Н.Я. Марра не произошло, поскольку сохранилась старая идеологическая установка на «борьбу с низкопоклонством перед буржуазной наукой и культурой». В советской лингвистике начинается «застой». Об этом говорит В.М. Жирмунский, сравнивая книгу В.В. Виноградова «Русский язык» (1947 г.) и «Граматику русского языка» (1953 – 1954 гг.), вышедшую под его редакцией: «Вся проблематика “нефлективной морфологии”, определившая творческое своеобразие первой книги, здесь [в «Грамматике...»]. – Н.П.] совершенно отсутствует. Термин “аналитическая форма” или “конструкция” вообще не встречается (так сказать, “табуирован”). Изложение грамматических фактов потускнело, стало традиционным и школьным. В книге торжествует фортунатовский морфологизм, получивший неожиданную поддержку в так называемом “сталинском учении о языке”» [3: 22].

Тотальная борьба с марризмом привела к тому, что были дискредитированы плодотворные идеи Н.Я. Марра в области языковой семантики, в частности – семантики грамматических категорий. Пострадали и конкретные люди, ученики и последователи академика Н.Я. Марра. Так, акад. И.И. Мещанинов был снят со всех руководящих постов, обвинен в антиисторизме, ошибочном отрицании языка как целого и внутренних законов его развития, некритичном заимствовании понятий и терминов у «буржуазных лингвистов», а в сущности, в том, что он был учеником Н.Я. Марра. Подобному «критическому рассмотрению» была подвергнута научная деятельность С.Д. Кацнельсона, Н.Ф. Яковлева и других талантливых ученых.

Правда, что в полемике со своими оппонентами Н.Я. Марр прибегал к негодному методу «навешивания ярлыков»: западноевропейская лингвистика противопоставляется им «новому учению о языке» как наука реакционная, «буржуазная» наука «подлинной», «единственно верной», вооруженной «правильной» марксистской методологией. Правда, что идеологические шоры не давали Н.Я. Марру возможности адекватно воспринимать любую критику своей теории. Возражения оппонентов он, как правило, объяснял тем, что это люди «другого общественного мировоззрения», которые «не могут легко, особенно правильно и целиком воспри-

нять наши мысли». В одном из докладов Н.Я. Марр прямо заявлял: «Мне стало точно под микроскопом видно, что всякое теоретическое учение, даже учение о языке, есть детище определенной общественности» [4: 404-405]. Справедливой критике подвергся и «палеонтологический» анализ языковых форм, разрабатываемый Марром опять-таки вопреки всем правилам и методикам общепринятого научного исследования. Однако нельзя не согласиться с Б. Гаспаровым: «<...> сколь бы ошибочны ни были конкретные выводы и притязания «нового учения о языке», сколь бы предосудительную роль в советской репрессивной машине ни играли его адепты, это не должно затушевывать смысл марровской неудовлетворенности современной ему лингвистической теорией и серьезность тех общефилософских оснований, что послужили для него отправной точкой в изучении происхождения и развития языка» [1: 458].

Список литературы

1. Гаспаров Б. Развитие или реконструирование. Взгляды академика Т.Д. Лысенко в контексте позднего авангарда // Логос 1991–2005. Избранное: В 2-х т. Т. 1. М., 2006.
2. Гумбольдт фон В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // В. фон Гумбольдт. Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
3. Жирмунский В.М. Об аналитических конструкциях // Аналитические конструкции в языках различных типов. М., 1965.
4. Миханкова В.А. Николай Яковлевич Марр. Очерк его жизни и научной деятельности. Изд. 3-е, испр. и доп. М.-Л., 1949.
5. Павлов С.Г. Антропологическая лингвистика: вечные ценности и современные проблемы: Учебно-методическое пособие. Н. Новгород, 2008.
6. Словарь русского языка / Гл. ред. А.П. Евгеньева. 2-е изд., стереотип. Т. 1. М., 1985.

LINGUISTICS AND IDEOLOGY IN THE COURSE «HISTORY OF LINGUISTICS»

N.E. Petrova

The connection between linguistics and ideology is considered on the example of “new language conception” by N. Marr. The article proves the importance of considering this subject in the postgraduate course “History of linguistics”.

Keywords: ideologization, “new language conception”, Marrism.